

С.М. УСТИНОВЪ.

ЗАПИСКИ
НАЧАЛЬНИКА
КОНТРАРАЗВЕДКИ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЧЁРНАЯ СОТНЯ

Сергій Устиновъ

Передь вами фрагментъ книги Сергѣя Михайловича Устинова «Записки начальника контрразвѣдки»: предисловіе и вторая глава про захватъ шпіонки въ Бухарестѣ.

Остросюжетныя воспоминанія нотаріуса С. М. Устинова 1922 года, который добровольно отправился на войну и прошѣлъ путь отъ рядового солдата до помощника начальника контрразвѣдывательнаго отдѣленія штаба командующаго Черноморскимъ флотомъ, а затѣмъ и начальника контрразвѣдки Николаевского района. Въ книгѣ на 120 страницахъ описывается періодъ съ 1915 по 1920 годъ: начиная съ Первой міровой и заканчивая закулисемъ политической и военной борьбы на Югѣ Россіи.

Приобрѣсти книгу можно на сайтѣ издательства:

www.chernaya100.com

ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА КОНТРРАЗВѢДКИ

Чѣрная Сотня
Нижній Новгородъ
2018

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ

Солнце величественно закатилось за море. Угасъ его послѣдній лучъ. Грянулъ пушечный выстрѣлъ.

Тихое море вмѣстѣ съ потухающимъ небомъ быстро заволакивается надвигающейся тьмой. Въ бухтѣ всё тихо, и какъ будто дремлетъ затаившаяся въ ней черноморская эскадра. Тѣни сгущаются, и постепенно тьма охватываетъ весь Севастополь. Всѣ огни закрываются тѣмными абажурами. Завѣшаны окна, потушены фонари, и даже закуриваютъ съ опаской — закрывая свѣтъ руками... Гдѣ-то далеко, въ морѣ, ходитъ „Гебень“ и, какъ недремлющій врагъ, стережётъ жертву.

Я сижу на камнѣ у самага моря. Передо мною всё та же чарующая своими красотами вѣчная природа даритъ меня однимъ изъ лучшихъ видовъ безграничнаго моря. Какъ чудный аккомпанементъ, до меня доносится съ Приморскаго бульвара военная музыка. Кругомъ всё такъ тихо и хорошо. Но во мнѣ нѣтъ уже прежнихъ восторженныхъ чувствъ, былого вдохновенія... Вся прелесть природы, вся плѣняющая красота моря, вся нѣга чарующей музыки уже не восхищали меня, не будили сладостныхъ воспоминаній, — не рождали волшебныхъ грѣзъ и мечтаній, не давали ни былого счастья, ни даже тихаго покоя... Всѣ ушло куда-то въ далёкое прошлое, заволокло ужасомъ міровой войны. Уже болѣе года длится небывалая по силѣ разрушенія и ужаса война. Вся Европа всколыхнулась отъ ударовъ грозы, и вся прежняя жизнь мирнаго труда, покойныхъ переживаній, интересовъ и забавъ — смѣнилась кровавыми событіями всемірнаго разрушенія.

Кругомъ такъ тихо, такъ хорошо! Но подъ завѣсой тьмы спѣшно готовится къ выходу въ море Черноморская эскадра. Чёрный дымъ клубится изъ трубъ броненосцевъ и стелется по морю. На всѣхъ судахъ кипитъ жизнь, идётъ усиленная работа. Тамъ, въ ночной тиши, собрались борцы за родину, за славнаго царя, за великую державу. Они готовятся къ бою и смѣло идутъ въ невѣдомое море, гдѣ каждую минуту ихъ стережётъ ужасная смерть. Вѣрные сыны своей родины! Вы поняли свой долгъ, вы нашли въ себѣ силы забыть себя во славу великой Россіи. Какая въ васъ сила, какой духъ. Вы творите великое дѣло, вы всѣ великіе герои!

Какъ рвѣтся моя душа за вами, туда же, въ Чёрное море, какъ хочется быть вмѣстѣ съ вами, великіе избранники земли русской. Какъ можетъ гордиться каждый изъ васъ — вѣдь вся Россія вѣритъ въ васъ, возлагаетъ на васъ, своихъ защитниковъ, всѣ свои надежды, всѣ свои мечты и даётъ всю свою любовь. Господь съ вами, мои милые братья. Да хранить васъ Богъ тамъ, въ далёкомъ морѣ, въ славномъ бою и да поможетъ вамъ сохранить жизнь или найти смерть, достойную славнаго героя!

Такъ думалъ я, съ грустью и тоской провожая величественно уходящую въ море эскадру. Мнѣ было стыдно прятаться въ безопасности и оставаться безучастнымъ зрителемъ чужихъ подвиговъ.

Нѣтъ, нѣтъ, я долженъ, я хочу быть съ вами, я также хочу исполнить свой долгъ и честно раздѣлить съ вами вашу судьбу! Я также могу отдать свою жизнь за царя и Отечество. Я тоже русской, я тоже гордъ!

О, святые чувства! Благіе порывы!

Я пошёлъ на Историческій бульваръ и долго бродилъ среди безмолвныхъ памятниковъ великой эпохи. Предо мною тянулись разрушенные бастіоны, остатки прежнихъ бойницъ. Здѣсь тысячи русскихъ сыновъ, защищая отечество, нашли славную смерть. Мнѣ казалось, что я вижу этихъ героевъ, вижу ихъ подвиги, такъ возвеличившіе Россію! Они умѣли умирать и знали, за что умирали!

Меня потянуло къ памятнику Нахимова. Мнѣ хотѣлось ещё разъ посмотрѣть на этого героя, воплотившаго въ себѣ неустрашимость и безграничную любовь и преданность родинѣ. Я долго

съ восторгомъ смотрѣль на гордую его статую, которая, казалось, затаила въ себѣ духъ безсмертнаго героя. Великій герой!

И опять неудержимо потянуло меня туда, куда шли тысячи русскихъ, туда, куда звалъ меня мой долгъ, пойти съ оружіемъ въ рукахъ защищать свою родину, исполнить то, что надлежало всякому гражданину великой державы — Россіи!

И только иногда, вдругъ, какъ порывъ вѣтра, словно нечаянно сорвавшійся съ ближайшей скалы, на меня налетало минутное сомнѣніе: какъ, оставить всё, всё, чѣмъ жилъ до сихъ поръ? Пренебречь своимъ покоемъ, комфортомъ, удовольствіями, обезличить себя, отдать свою волю, независимость и стать безмолвной пѣшкой, атомомъ великаго и необъятнаго, одной единицей миллионной арміи. Поборотъ свою гордость и съ христіанскимъ смиреніемъ переносить обиды, несправедливость и даже оскорбленія. Смогу ли я вынести крестъ такихъ тяжѣлыхъ испытаній? Не возмутится ли мой духъ и не замучатъ ли раскаянія? Не погублю ли я напрасно свою жизнь? Нѣтъ, любовь къ родинѣ, вѣра въ Россію, сознание долга и готовность къ самопожертвованію побѣждаютъ животныя чувства страха и себялюбія. Высокія чувства разсѣиваютъ сомнѣнія. Духъ торжествуетъ надъ низкими инстинктами животнаго эгоизма и окончательно укрѣпляетъ созрѣвшее рѣшеніе. Кончено. Я иду на фронтъ.

Тихо, но явственно пробили въ тиши склянки.

На минуту всё словно замерло въ торжественной тишинѣ, и вдругъ тысячи голосовъ зашѣли вечернюю молитву. Пѣли далеко, на томъ берегу бухты, во флотскомъ экипажѣ, но слышно было каждое слово Молитвы Господней.

Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ! Да святится имя Твое... да будетъ воля Твоя!...

Я поднялъ взоръ къ небу и съ глубокимъ чувствомъ вѣры повторилъ слова молитвы: „Да будетъ воля Твоя! Да будетъ воля Твоя!“ И вдругъ слёзы какого-то новаго, неизвѣданаго блаженства хлынули изъ глазъ, и такъ хорошо, такъ легко стало на душѣ. Да будетъ воля Твоя!

Рано утромъ, послѣ почти безсонной ночи, но бодрый и весѣлый, я былъ уже у воинскаго начальника. Весьма милый и обходительный полковникъ любезно принялъ меня въ своёмъ

кабинетѣ и, видимо, былъ очень удивлѣнъ, узнавъ о цѣли моего посѣщенія. Онъ не хотѣлъ вѣрить, что я, нотаріусъ, человѣкъ съ независимымъ положеніемъ и освобождённый отъ воинской повинности, серьёзно хочу идти добровольцемъ въ качествѣ простого солдата. Онъ старался разубѣдить меня въ моёмъ недостаточно, по его мнѣнію, продуманномъ рѣшеніи, предупреждая меня о всей трудности военной службы и безвозвратности разъ принятаго рѣшенія. Я заявилъ ему, что я всё знаю, всё обдумалъ, но что иначе поступить не могу.

Полковникъ очень долго разспрашивалъ меня о моей жизни, какъ бы желая ближе познакомиться со мной и понять причины, заставившія меня принять такое рѣшеніе. Ему всё казалось невозможнымъ объяснить его просто однимъ моимъ желаніемъ. Онъ съ грустью проводилъ меня до выхода, съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку, и въ его глазахъ я прочёлъ столько расположенія, что я ещё болѣе убѣдился въ правотѣ своего рѣшенія. Его сочувствіе тронуло меня, но не смутило.

Цѣлый день я чувствовалъ себя удивительно бодро, но странно... Я боялся признаться даже своимъ друзьямъ въ томъ, что я завтра буду простымъ солдатомъ...

Вечеръ я провѣлъ въ гостяхъ шумно и весело, но мнѣ казалось, что я присутствую на собственныхъ похоронахъ. Что подумаютъ всё, когда узнаютъ, что я простой солдатъ? Не положить ли это между нами непреодолимая преграда? Будутъ ли меня также принимать, не отшатнётся ли отъ меня общество, узнаютъ ли меня эти господа въ солдатской шинели? Какія разочарованія меня ждутъ? Какъ откроются мои глаза на всю фальшь человѣческихъ отношеній? Я многое уже понималъ и предвидѣлъ.

На другой день въ 6 ч. утра я долженъ былъ быть у воинскаго начальника, чтобы получить предписаніе и литеръ на проѣздъ въ Симферополь въ пѣхотный запасной полкъ. Я одѣлся какъ можно проще, въ высокіе сапоги, въ рубашку съ кушакомъ и старое пальто, чтобы, по возможности, не выдѣляться изъ толпы, въ которую я вливался. Я ограничился самымъ незначительнымъ багажомъ, рѣшивъ отказаться отъ многихъ своихъ буржуазныхъ привычекъ, чтобы скорѣе привыкнуть къ условіямъ новой жизни и къ ея лишеніямъ.

Въ тёмной задней комнатѣ воинскаго начальника, кромѣ меня, собралось ещё пять человѣкъ, также отправляемыхъ въ запасный полкъ. Мы всѣ ждали молча уже болѣе часа, даже не думая спросить, долго ли намъ ещё ждать. Да и смѣли ли мы спрашивать, волноваться, просить. Не всё ли равно? За насъ должны были думать и беспокоиться другіе. Послѣ пол-ной свободы, которой я всегда пользовался, и связанной съ ней отвѣтственностью, было какъ-то даже спокойнѣе на душѣ отъ сознанія, что съ лишеніемъ свободной воли съ меня спала и часть отвѣтственности и что вся моя жизнь уже болѣе не зависи-ла отъ меня, а будетъ идти по опредѣлённой колѣѣ, изъ кото-рой трудно вывихнуться.

Наконецъ, вышелъ писарь и сдѣлалъ перекличку. Всѣ ока-зались налицо. Писарь забралъ ворохъ приготовленныхъ доку-ментовъ и понёсъ ихъ воинскому начальнику. Я понялъ, что сей-часъ будетъ подписанъ мой приговоръ, окончательно рѣшающей мою жизнь. Дѣйствительно, скоро вышелъ воинскій начальникъ.

„Устиновъ!“ — выкрикнулъ онъ, вынимая изъ пачки доку-ментовъ одинъ и протягивая его мнѣ. — „Будешь за старшаго. Вотъ предписаніе и литеръ на 6 человѣкъ. Отправишься съ девяти-часовымъ поѣздомъ въ Симферополь и явишься вмѣстѣ со всѣми въ Штабъ 33 запаснаго полка“.

Онъ нѣкоторое время задержался, какъ бы не зная, что ещё сказать. Затѣмъ, стараясь не встрѣчаться съ моимъ взгля-домъ, какъ-то нерѣшительно добавилъ: „Ну, съ Богомъ!“ — и быстро вышелъ.

Обращеніе ко мнѣ на „ты“ человѣка, который ещё вчера былъ такъ изысканно вѣжливъ со мною, было какъ бы бое-вое моё крещеніе. Мнѣ было какъ-то странно, но я не нашёлъ въ этомъ ничего оскорбительнаго. Я понималъ, что воинскій начальникъ, быть можетъ, умышленно былъ со мной болѣе официальнымъ, чѣмъ это было нужно, желая сразу же пока-зать мнѣ всю суровость военной дисциплины, не вѣдающей исключеній. Это былъ своего рода тактъ, выработанный дол-гой военной службой. Для воинскаго начальника я былъ уже не нотариусъ, я сталъ въ его глазахъ номеромъ въ рядѣ миллио-новъ другихъ такихъ же номеровъ. И такъ, конечно, было для меня лучше, такъ какъ положеніе моё въ ротѣ среди солдатъ,

какъ нотариуса, было бы нелѣпо и крайне стѣснительно. Я сталъ солдатомъ и, конечно, могъ требовать къ себѣ только того законнаго отношенія къ солдату, какъ предусмотрѣно это въ воинскомъ уставѣ.

Я попалъ въ 3-ю роту 33 запаснаго пѣхотнаго полка. Наша рота была помѣщена на окраинѣ города на фабрику Абрико-сова. Весь громадный фабричный флигель былъ отвѣдѣнъ подъ казармы. Я явился въ ротную канцелярію въ то время, когда рота находилась на занятіяхъ. Изъ разговоровъ съ писаремъ въ ожиданіи прихода ротнаго командира я узналъ, что рот-ный командиръ — поручикъ И. — очень хорошій человѣкъ и что вообще въ ротѣ народъ всё хорошій. Рота получила уже названіе маршевой, такъ какъ закончила свою шестинедѣль-ную подготовку и въ скоромъ времени отправляется на фронтъ.

Скоро я услышалъ ротное пѣніе съ выкриками и присвист-омъ. У меня забилося сердце. Рота вошла во дворъ, выстрои-лась и затѣмъ по командѣ разошлась по двору и по казармамъ. Канцелярія наполнилась пришедшими взводными, фельдфе-белемъ и солдатами, получающими различныя распоряженія. Наконецъ, пришёлъ и ротный командиръ. Разспросивъ меня и узнавъ, что я нотариусъ и поступилъ добровольцемъ, онъ, видимо, очень удивился. Онъ нѣсколько разъ повторилъ: „Какъ же вы это такъ рѣшили? Вѣдь вамъ будетъ тяжело!“

По его распоряженію фельдфебель тотчасъ же повѣлъ меня къ каптенармусу, который и обмундировалъ меня съ ногъ до головы во всё солдатское. Всё было немного длинно и широко, но въ общемъ всё чистое и новое и носить было можно. Только сапогъ не нашлось на мою ногу, и мнѣ пришлось остаться въ своихъ. Затѣмъ взводный предложилъ мнѣ занять любую свободную койку и, если хочю, отдохнуть.

„А завтра уже пойдѣшь на ученё“, — добавилъ онъ.

И ротный, и фельдфебель, и взводный — всѣ показались мнѣ очень славными. Всѣ, видимо, старались меня „успоко-ить“, хотя я вовсе и не мучился, а чувствовалъ себя прекрасно. Обѣдалъ я вмѣстѣ со всѣми. Я боялся, что мнѣ придѣтся ѣсть изъ общей посуды, и не зналъ — сумѣю ли преодолѣть врож-дѣнную мнѣ брезгливость, но, къ счастью, каждый имѣлъ свою жестяную чашку и свою ложку. Борщъ съ саломъ и перловая

каша, быть может, потому, что я был голоден, показались мне очень вкусными, и я вполне успокоился. Вообще, чем больше я привыкал к новой обстановке, тем больше всё казалось мне не таким ужасным, как я представлял себя. Служба была тяжёлая и жизнь не сладкая, но я сразу же понял, что если забрать себя в руки и точно и строго исполнять с надлежащей добросовестностью всё требования службы и военной дисциплины, служить не за страх, а за совесть, с полным сознанием своего долга, то ничего ужасного в военной службе нет. Я оправдывал и чрезмерную строгость и суровые наказания. Я понял, что без этого не может быть армии. Чтобы заставить людей по одному приказанию идти в бой — нужно было их сначала провести через суровую школу. Раньше, совершенно не понимая военной службы, я обо всем имел совершенно превратное мнение.

После обдуманного перерыва и отдыха рота вновь выстроилась идти на занятия. Взводный разрешил мне не идти, но я так хотел скорее сделаться настоящим солдатом, войти в общую жизнь роты, что сам просил разрешения встать вместе со всеми. Мне страшно хотелось скорее получить винтовку. Взводный, давая мне её и видя моё торжество и гордость, с которой я овладел тяжёлой русской винтовкой, с улыбкой заметил: „ещё успеешь надоесть“. Но он ошибся. Я сразу же полюбил „свою“ винтовку. Я ознакомился с ней во всех её деталях, и мне не надо было заучивать её номер 237659. Я запомнил его на всю жизнь. Эту винтовку я носил пять месяцев и сдал её только в день выхода в прапорщики, когда вместо неё я получил право надеть офицерскую шапку.

Я бодро стоял в строю и легко поддерживал винтовку. Но, пройдя несколько шагов, я почувствовал всю её тяжесть, и моя рука начала ныть. Мы занимались недалеко от казармы, но на высоком холме, и я едва преодолел его крутизну, стараясь не потерять равновесия и не опустить винтовки. Но на всё — привычка. После я уже без всяких затруднений легко подымался на тот же холм и проходил по 15–20 вёрст, не уставая.

Так как рота уже закончила полный курс обучения и только повторяла различные упражнения, то первое время я занимался отдельно с унтер-офицером. Это было самое

тяжёлое. Повороты я усвоил скоро, и это было легко, но делать ружейные приёмы точно, красиво, а главное — легко, мне не удавалось. Винтовка, так легко и плавно ходившая в руках унтер-офицера, делалась тяжёлым и неповоротливым бременем, когда я брался за неё. Я старался из всех сил, и пот градом лил с меня, но выходило плохо.

„Ну, отдохните малость“, — говорил унтер-офицер. — „Помаленьку приобькнете“.

И действительно, помаленьку, „приобьк“. Зато как приятно было по окончании учения под весёлую удалую песню спускаться вниз с холма и идти на отдых в казарму. На душе было весело от осознания, что ты добросовестно потрудился и имеешь право на заслуженный отдых. И с каким аппетитом я ел тот же борщ с громадной краюхой настоящего солдатского чёрного хлеба.

Вечером после переклички рота выстроилась на молитву. По команде все сняли фуражки и тихо, стройно, благоговейно спели молитвы. И я, так редко вообще молившийся, даже в храм не будучи в силах сосредоточиться, здесь горячо молился, чтобы Бог помог мне добросовестно исполнить свой долг честного солдата перед Царём и Отечеством.

Неужели эта молитва, эти чувства, восторг и слёзы могли быть когда-нибудь забыты или кем-нибудь осмеяны. Неужели любовь к родине и Царю, носителю идеи великой монархии, могли быть оскорблены, подавлены грязным сапогом шантажистов революции, поднявших свою подлую руку на великую державу, на великую её армию, исторгнувших из неё всё лучшее и превративших её в разнузданную банду богоотступников, грабителей и убийц?!

Рота разошлась на покой. Тихо и грустно в полумраке казармы. Усталые солдаты укладываются на своих койках, и только кое-где слышен разговор шепотом. После всех пережитых волнений, новых впечатлений и дум, я долго не мог заснуть. Моим соседом по койке был ещё совсем молодой солдат. Он тоже не спал, и мы разговорились. Он был круглый сирота. Звали его — Михаил Рудой. Во время эвакуации из западной губернии он оставил дома умирающего отца-старика, а по дороге у него умерла старуха-мать. Юноша

остался одинъ и съ нѣсколькими рублями какъ-то добрался до Симферополя, гдѣ надѣялся найти своего дядю, котораго никогда не видалъ и даже не зналъ — живъ ли онъ. Дяди онъ не нашёлъ и, почти умирая отъ голода и истощенія, пошёлъ въ добровольцы. Вся его мечта была сдать экзаменъ за 4 класса и поступить въ школу прапорщиковъ. Выше этого счастья онъ себя не представлялъ. Ротный командиръ принялъ въ нёмъ участіе и позволялъ ему иногда не ходить на ротныя занятія, а готовиться къ экзамену, и даже снабдилъ его нѣкоторыми книгами. Онъ былъ въ ротѣ уже три мѣсяца. Уже дважды при нёмъ роты отправлялись на фронтъ, но его жалѣли. Послѣ, сойдясь съ нимъ поближе, я сталъ охотно помогать ему въ его занятіяхъ и этимъ, конечно, заслужилъ у него вѣчную благодарность.

Онъ такъ же, какъ и другіе, очень удивился, что, имѣя право пойти въ военное училище, я поступилъ простымъ солдатомъ.

„Зачѣмъ же вы это сдѣлали?“ — допрашивалъ онъ меня.

Я, какъ могъ, объяснилъ ему свои переживанія.

„Ну, а если васъ убьютъ?“ — наивно спрашивалъ онъ меня.

„Что жъ дѣлать!“ — могъ только отвѣтить я.

Но онъ былъ убѣждёнъ, что въ моей жизни были какія-либо особыя драматическія причины, заставившія меня искать своей смерти. Стараясь разубѣдить его въ этомъ, я привёлъ ему другую, болѣе понятную причину: „Я занимаюсь литературой... пишу... вотъ и хочу всё видѣть своими глазами, пережить, почувствовать самому всѣ ужасы войны, чтобы потомъ описать...“ Но къ этому онъ тоже отнёсся съ недоверіемъ.

Тѣмъ не менѣе мы съ нимъ впослѣдствіи очень сошлись и часто бесѣдовали на разныя темы. Онъ, видимо, полюбилъ меня, что мнѣ было очень пріятно, такъ какъ я самъ къ нему искренно привязался. Я очень скоро освоился со своимъ положеніемъ рядового солдата. Я болѣе или менѣе сошёлся со всѣми солдатами своей роты. Многимъ изъ нихъ мнѣ приходилось давать разные юридическіе совѣты по ихъ спорнымъ земельнымъ или наслѣдственнымъ вопросамъ, многимъ я составлялъ прошенія, завѣщанія и писалъ письма, а съ нѣкоторыми по просьбѣ взводнаго даже занимался „словесностью“, которая плохо имъ давалась. Этимъ, конечно, до извѣстной степени объяснялось и особое хорошее отношеніе ко мнѣ

роты. Много было тяжёлаго, скучнаго, но въ общемъ отъ пребывания въ ротѣ у меня осталось отрадное впечатлѣніе. Повторяю, что мои представленія о военной службѣ были гораздо хуже дѣйствительности. До поступленія на военную службу я очень часто слышалъ объ ужасной постановкѣ у насъ въ Россіи военнаго дѣла. Много говорили объ излишней суровости начальниковъ, о пресловутой словесности, которой окончательно забиваютъ головы солдатъ, заставляя ихъ зубрить безъ смысла китайскую грамоту, о всякаго рода издѣвательствахъ надъ личностью, о мордобитіяхъ и пр. и пр. Къ чести нашей арміи (конечно бывшей) могу сказать положительно, что ничего подобнаго я не видѣлъ*. Правда, старый кадровый солдатъ, нашъ фельдфебель, прослужившій два или три срока, говорилъ мнѣ, что въ мирное время было куда какъ тяжелѣе, что теперь людей „жалѣютъ“, быть можетъ, потому, что готовить ихъ на великую жертву. Быть можетъ, и такъ, но вѣдь онъ самъ выдержалъ же эту службу, полюбилъ её и остался на этой службѣ сверхъ срока.

Я такъ сжился съ ротой, что, когда спустя три недѣли наша рота уходила на фронтъ, мнѣ было грустно и тяжело разставаться съ ней. Я просилъ разрѣшенія идти вмѣстѣ съ ротой, но мнѣ было отказано ввиду того, что я ещё не прошёлъ полнаго курса и не былъ ещё на стрѣльбѣ.

Помню, какъ торжественно снарядили и провожали роту. Согласно приказа нѣсколько маршевыхъ ротъ выстроилось на плацу. Всѣ высшее начальство было въ сборѣ. Отслужили молебень, полковой священникъ сказалъ простую, но прочувственную рѣчь. Командиръ полка тоже обратился ко всѣмъ

* Если такіе случаи, какъ „мордобитіе“, вообще и были, то, конечно, это были только исключенія, а не общее правило, какъ обязательный методъ воспитанія солдатъ, и всегда оставались позорнымъ поступкомъ на совѣсти отдѣльныхъ изверговъ, не понимающихъ своего долга и служебной чести. Напротивъ, я во всѣмъ наблюдалъ скорѣе отеческое попеченіе о солдатахъ. Конечно, въ такомъ трудномъ дѣлѣ, какъ созданіе образцовой дисциплинированной арміи, могли быть упущенія, были, какъ и вездѣ, недостойные люди или просто недостаточно умные, но всё же въ основу воспитанія солдата были положены достойные принципы.

съ братскимъ словомъ. Затѣмъ по командѣ роты вытянулись въ одну безконечную колонну. Подъ оркестръ музыки мы прошли черезъ весь городъ на вокзалъ. Насъ провожала толпа народу. Со всѣхъ сторонъ слышались добрыя пожеланія, многіе кричали ура и бросали въ воздухъ шапки. Но въ толпѣ шло также много женщинъ и дѣтей, которыя провожали своихъ мужей, братьевъ и отцовъ, прощаясь съ ними, быть можетъ, навсегда. Слышались ихъ рыданія... и у меня невольно сжималось сердце и на глаза навѣртывались слѣзы...

О, много, много слѣзъ и жертвъ нёсъ великій русскій народъ на алтарь любви къ родинѣ! Что дали эти слѣзы, что дали эти жертвы? Кто и когда возьмётъ на себя искупленіе этихъ страданій?!

Скучно было у насъ въ ротѣ послѣ проводовъ. Въ ротѣ осталось только нѣсколько человѣкъ, прибывшихъ недавно. Нѣсколько дней не ходили на занятія, занимались словесностью, и то какъ-то такъ, безъ интереса и больше для вида. Опустѣло. И всѣ мысли и чувства были съ тѣми, которые ушли... Куда, зачѣмъ?! Кто вернётся и вернётся ли кто-нибудь? Ужасные вопросы, на которые никто не могъ отвѣтить.

Черезъ нѣсколько дней послѣ ухода нашей роты по приказу командира полка я былъ назначенъ къ отправленію въ Одесское Военное Училище. Какъ я ни объяснялъ командиру роты, что въ Училище я могъ поступить сразу и что если я пошѣлъ добровольцемъ, то именно потому, что хотѣлъ идти на фронтъ простымъ солдатомъ, — мнѣ ничего сдѣлать не удалось.

Долженъ признаться, что хотя обстановка жизни въ Училищѣ была много лучше ротной казармы, но жить тамъ было много хуже. У насъ были чистые классы и дортуары, постели съ бѣльемъ, чистая столовая и сытый столъ — но выдержать ляжку юнкера могъ не всякій. Нѣкоторыхъ быстро отчислили, какъ не успѣвающихъ, или за различные, въ большинствѣ случаевъ незначительные, антидисциплинарные поступки, а многіе сами не выдерживали и просто убѣгали на фронтъ. Мы были заняты съ 6-ти утра до 10-ти вечера. Единственный получасовой отдыхъ послѣ обѣда, положенный по расписанію, не всегда удавался, такъ какъ и его приходилось употреблять на то, что не успѣвали сдѣлать за день. Лекціи, репетици,

строевыя и практическія занятія, дежурства дневныя и ночныя, манѣвры и пр. настолько утомляли, что нельзя было отдохнуть даже за короткую ночь сна. Наряду съ серьезнѣйшими требованіями былъ цѣлый рядъ и мелочныхъ, которыя походили на такъ называемую „муштровку“. Правда, вѣдь надо же было въ четыре мѣсяца приготовить офицера, на долю котораго очень часто при большой убыли команднаго состава во время боя приходилось исполнять отвѣтственныя роли. Но всё же излишняя муштровка отнимала у насъ послѣднія силы.

Такъ, насъ продержали полтора мѣсяца безъ отпуска и послѣ лишали его за каждый неправильный поворотъ, незначительный шагъ, за случайно разстегнувшуюся пуговицу, за высунувшійся изъ кармана пальто носовой платокъ и т. д. Да, много надо было терпѣнья и безотвѣтственного подчиненія, чтобы смирить свой духъ, не возмутиться, не возразить и не вылетѣть въ два счѣта изъ Училища. Кто не могъ совершенно отказаться отъ своего „я“, всё принимать какъ должное, со всѣмъ мириться, воспитать въ себѣ духъ полного безотвѣтнаго подчиненія чужой волѣ, — тотъ быстро отчислялся и возвращался въ роту. Зато какая награда ожидала тѣхъ, кто выдерживалъ это испытаніе. Восемь лѣтъ гимназіи мнѣ показались не такими тяжѣлыми, какъ четыре мѣсяца Училища. Помню радостныя приготовленія ко дню выхода: полученіе офицерскаго обмундированія и снаряженія, облюбованіе каждой новой принадлежности, выборъ шашки, погонь и пр. Я снова сталъ юношей, счастливымъ и восторженнымъ ещё болѣе, чѣмъ въ день окончанія гимназіи. Уже за нѣсколько дней у насъ всё было готово, и мы съ гордостью примѣривали новое одѣяніе. И вотъ, наконецъ, наступилъ долгожданный день. Всѣ мы были выстроены на военномъ плацу. Пріѣхалъ командующій войсками Одесскаго Военнаго Округа генераль Эбѣловъ. Вотъ, вотъ, сейчасъ мы будемъ офицерами! Отслужили молебень и церемоніальнымъ маршемъ стали проходить мимо Эбѣлова. И, наконецъ, услышали мы на всю жизнь запечатлѣвшіяся въ памяти знаменательныя слова: „Поздравляю васъ съ производствомъ въ офицеры!“

Счастливыя миги! Нервы такъ долго были напряжены, что, когда я почувствовалъ, что всё тяжёлое прошло, что сейчасъ

вмѣстѣ съ солдатской шинелью я сброшу и ту ношу, которую я добровольно на себя взялъ, что кончились всѣ мои испытанія, что снова я сталъ человѣкомъ, — я не выдержалъ и заплакалъ отъ счастья!

Когда мы, уже офицеры, возвращались въ казармы, намъ навстрѣчу проѣхалъ генераль, но мы уже не услышали обыч-ной въ такихъ случаяхъ для насъ команды: „Смирно! Рав-неніе налѣво!“, нашъ ротный командиръ вмѣсто этого сказалъ: „Господа офицеры!“ — и мы молча съ достоинствомъ прошли дальше, но каждый изъ насъ чувствовалъ, какъ бесконечно онъ выросъ въ эту минуту.

А что было въ училищѣ, когда мы съ лихорадочной поспѣш-ностью стали сдавать всю свою тяжѣлую амуницію и облачаться въ новенькую блестящую форму. Только за однѣ эти счастли-вые минуты можно было ещё разъ пережить всё то, что пере-жилъ я съ того дня, когда воинскій начальникъ впервые ска-залъ мнѣ, какъ нижнему чину, „ты“.

Счастье дѣлаетъ человѣка хорошимъ, добрымъ, готовымъ на всё высокое и хорошее, и каждый изъ насъ былъ готовъ на любой подвигъ, жаждаль скорѣе идти на фронтъ и тамъ умереть во славу русскаго оружія.

И какъ много такихъ счастливыхъ юношей понесли съ радо-стью свою жизнь на алтарь отечества! Какъ много изъ нихъ умерло въ благородномъ порывѣ съ сознаниемъ своего долга. Миръ праху ихъ, великимъ героямъ, честнымъ сынамъ своего отечества, безвѣстно угаснувшимъ въ расцвѣтѣ силъ своихъ! Пусть ваши имена не войдутъ въ исторію, пусть неблагородное потомство не оцѣнитъ вашей жертвы, пусть кровь, пролитая вами, не утолитъ кровожаднаго міра — вы доблестно испол-нили свой долгъ и умерли героями... И тамъ, куда ушли вы, тамъ, на небесахъ васъ ждѣтъ заслуженная награда! А здѣсь, на развалинахъ міровой войны, когда всюду торжествуетъ только зло, кто оцѣнитъ эти жертвы? Не тѣ ли изверги, кото-рые потрясли наши святыни и надсмѣялись надъ вашими могилами, предатели, которые низвергли въ пропасть вели-кую державу, злодѣи, отдавшіе Россію на разграбленіе?! Не наши ли союзники, которыхъ спасли вы цѣною собственной жизни и которые отвернулись отъ Россіи въ тяжѣлую годину.

Не тѣ ли вершители судебъ всѣхъ европейскихъ народовъ, представители культурной Европы, великіе создатели Лиги націй, которые, прикрываясь ловкой дипломатіей, жмутъ руки убійцъ и палачей, грабятъ вмѣстѣ съ ними Россію, спекули-руютъ на ея гибели и заносчиво мнятъ, что они несутъ миръ всему міру?

Европа! Ты, старая ханжа, лукавая торговка! Напрасно ты кичишься своей культурой, вѣковой цивилизаціей, развитіемъ гуманитарныхъ наукъ! Не тебѣ, лукавой бабѣ съ подлыми замыслами, съ алчностью продажной жидовки на чужое золото, говорить о высшей правдѣ и справедливости, о куль-турѣ и человѣколюбии, о равенствѣ всѣхъ народовъ, о союзѣ всего міра! Не миртовую вѣтвь несёшь ты міру, а предательство и измѣну! Вы лжѣте, представители міровой политики! Вы при-крываетесь высокими идеями, вы кричите о международной помощи умирающей Россіи, но мы не вѣримъ вамъ, мы знаемъ ваши замыслы. Вы ищете гибели Россіи, вы издѣваетесь надъ несчастной страной! Развѣ не вы дьявольскимъ умомъ своимъ создали ея растлителей большевиковъ. Развѣ не вы предали её въ руки своихъ послушныхъ убійцъ, развѣ не вы четыре года разрываете её на части, измѣннически поддерживая больше-виковъ, расхищаете ея сокровища, участвуете вмѣстѣ съ ними въ грабежъ и набиваете карманы краденымъ золотомъ! Пол-ноте! Бросьте эту маску состраданія и любви къ погибающему народу! Покажите свои зубы и руки! Они у васъ въ крови... Вѣдь вы вмѣстѣ съ большевиками терзаете сердце русскаго народа, вмѣстѣ съ ними по-дружески правите свой кровавый пиръ побѣды. Намъ нужна великая Россія, а вы ищете падали, чтобы, какъ коршунамъ, спуститься на эту падалъ и питаться ею многіе годы.

Да, много страданій перенёсъ и перенесётъ ещё русскій народъ! Много слёзъ и много жертвъ унесётъ потокъ страданій несчастнаго народа! Но вѣрю, что много силы скрыто въ его нѣдрахъ, глубока душа его, всё выдержитъ мощный народъ, цѣною великихъ страданій онъ искупитъ свои заблужденія и отступничество отъ Бога. Не могутъ погибнуть сокровища, заложенные въ глубину русской души, не можетъ свѣтъ пото-нуть навсегда во мракъ ночи, настанетъ свѣтлый день, день

великаго возрожденія, день славной побѣды его надъ духомъ зла! И выйдеть великій народъ на свѣтлый путь къ новому царству!

— — — — —

Я вышелъ въ тотъ же 33-й запасный полкъ и былъ назначенъ взводнымъ офицеромъ 2-й роты. Несмотря на всю добросовѣстность, съ которой я проходилъ занятія въ ротѣ и въ Военномъ Училищѣ, несмотря на всё своё желаніе быть настоящимъ офицеромъ и добросовѣстно исполнять свой долгъ, — я чувствовалъ, что всё-таки вышелъ „штатскимъ“. Какъ только я надѣлъ офицерскую форму и почувствовалъ себя человѣкомъ со свободной волей и всѣми правами личности, я сразу сталъ тѣмъ же, кѣмъ былъ до военной службы. Я не могъ въ отношеніи солдатъ проявлять ту необходимую твёрдость и рѣшимость, которыя требовались отъ меня, какъ офицера. Ещё такъ недавно я самъ былъ солдатомъ и испыталъ на себѣ всю тяжесть суровой дисциплины, ещё такъ живы были мои переживанія, такъ близокъ былъ мнѣ солдатъ, что я не могъ ставить между собой и имъ непроходимую грань. Очень часто я не зналъ, какъ поступить, и дѣлалъ очевидные промахи. Такъ, во время обхода помѣщенія 3-й роты въ качествѣ члена санитарной комиссіи вмѣстѣ съ однимъ капитаномъ, я встрѣтился съ моимъ бывшимъ взводнымъ. Увидя меня, онъ буквально перебѣжалъ весь дворъ, бросивъ свою команду, съ которой занимался, и радостно сказалъ: „Здравія желаю, ваше благородіе... поздравляю васъ!“ Я тоже очень былъ радъ его видѣть и протянулъ ему руку, какъ своему хорошему знакомому. Я сталъ спрашивать его, какъ онъ жилъ это время, какія произошли перемѣны въ ротѣ. Взводный всё время стоялъ вытянувшись, руки по швамъ, и отвѣчалъ по-военному: „Такъ точно, покорно благодарю“ съ прибавленіемъ „вашего благородія“, что меня страшно стѣсняло. Странно мнѣ было чувствовать себя передъ нимъ, опытнымъ старымъ солдатомъ, который зналъ, вѣроятно, службу болѣе, чѣмъ я, офицеромъ, высоко стоявшимъ надъ нимъ по лѣстницѣ субординаціи, когда всего четыре мѣсяца тому назадъ онъ былъ моимъ непосредственнымъ начальникомъ, распоряженія котораго были для меня закономъ. И тѣмъ не менѣе, когда мы вышли изъ казармы, капитанъ сдѣлалъ мнѣ

дружеское наставленіе, объясняя, что моё положеніе офицера не допускаетъ простыхъ или товарищескихъ отношеній съ нижнимъ чиномъ, хотя я и былъ по прежнему своему положенію въ пріятельскихъ съ нимъ отношеніяхъ. А потому я не долженъ былъ протягивать ему руки, тѣмъ болѣе, что это было на глазахъ другихъ солдатъ. Я молчалъ, такъ какъ понималъ, что съ точки зрѣнія общаго духа дисциплины онъ былъ правъ, но какъ я могъ быть со своимъ недавнимъ пріятелемъ, хотя и солдатомъ, только строгимъ и холоднымъ офицеромъ — я себѣ не представлялъ.

Въ другой разъ, производя слѣдствіе въ учебной командѣ, я въ канцеляріи неожиданно встрѣтилъ своего сосѣда по солдатской койкѣ — Михаила Рудого. Онъ такъ, бѣдняга, и не попалъ въ школу прапорщиковъ. Мечта не сбылась. Не осилилъ онъ премудрости математики! Но благодаря своей скромности и покорности вышелъ въ учебную команду и былъ зачисленъ въ писаря, что спасало его отъ фронта и до извѣстной степени его устраивало. Увидя его, я уже дёрнулъ руку, чтобы поздороваться, но видя, какъ вытянулись передо мной всѣ писаря и онъ самъ, я вспомнилъ, что я офицеръ, а онъ нижній чинъ, и очень неловко постарался замаскировать свой невольный жестъ. Однако мнѣ было очень не по себѣ и я долго не могъ успокоиться, пока, наконецъ, я не встрѣтилъ его какъ-то въ городѣ и не поговорилъ съ нимъ по-человѣчески.

То, что я „штатскій“, скоро замѣтило и моё начальство. Меня постоянно назначали по производству различныхъ слѣдствій или въ различныя комиссіи санитарныя, строительныя, экзаменаціонныя и пр. А послѣ того, какъ мнѣ очень оригинально удалось найти 20 тысячъ, пропавшихъ у казначея штаба полка, который умудрился оставить эти деньги на окнѣ въ уборной, — я сталъ, кажется, постояннымъ слѣдователемъ съ освобожденіемъ отъ ротныхъ занятій въ теченіе всего производства слѣдствій.

И чѣмъ болѣе я занимался дѣлами, болѣе близкими мнѣ по моей спеціальности, чѣмъ военное искусство, тѣмъ менѣе я чувствовалъ себя способнымъ на ратное дѣло, и мой первоначальный пылъ и жажда военныхъ подвиговъ какъ-то незамѣтно угасали.

Въ началѣ мая мы перешли въ лагеря. Такъ какъ всѣмъ офицерамъ было предписано поселиться въ лагерѣ при своихъ

взводахъ, то и я устроился вмѣстѣ съ однимъ прапорщикомъ въ лагерной палаткѣ, что мнѣ очень понравилось.

Помню, какъ хорошо было, когда послѣ жаркаго дня наступала тѣмная, тёплая южная ночь и когда, лёжа въ палаткѣ, можно было видѣть небесный сводъ съ мерцающими звѣздами, а вдали тѣмные контуры горы Чатырь-Дагъ, или когда холмистыя поля, горы, лагерь, длинные ряды палатокъ, всё, всё далеко кругомъ было залито луннымъ свѣтомъ и казалось таинственнымъ и одухотворѣннымъ.

Жизнь въ лагерѣ не была лишена своего интереса. Занятія съ солдатами интересовали большинства молодыхъ офицеровъ, и потому къ нимъ относились добросовѣстно. Общая тѣсная жизнь въ постоянномъ обществѣ только что выпущенныхъ въ офицеры, общность интересовъ, сравнительная свобода, новизна положенія — всё это создавало весёлое, бодрое, жизнерадостное настроеніе. Свободные вечера проводились большой компаніей въ общественномъ саду на музыкѣ, въ театрѣ, кинематографѣ, а также въ частныхъ домахъ. Многіе завели въ городѣ знакомства, нашли „увлеченія“ и отделились имъ со всей свѣжестью молодыхъ силъ. Молодёжь веселилась, жадно хватая удовольствія и торопясь пользоваться жизнью, быть можетъ, очень для нихъ непродолжительной, а потому въ настроеніи компаніи всегда чувствовалось нервное возбужденіе. Составъ офицеровъ постоянно мѣнялся. Не успѣютъ отправить сотню, другую на фронтъ, какъ прибываетъ столько же новыхъ, а тѣ, кто ушли, рѣдко возвращались назадъ. Ну, какъ тутъ не кутнуть на прощанье, когда у иного прапорщика, можно сказать, и вся-то жизнь прошла только за это время пребыванія его въ Симферополѣ!

Я очень долго переписывался со всѣми моими товарищами по ротѣ и училищу, но постепенно одинъ за другимъ они покидали меня, кончая въ большинствѣ случаевъ жизнь свою на полѣ сраженія.

Я былъ въ полку уже около двухъ мѣсяцевъ, и многіе мои товарищи уже отправились на фронтъ, когда я получилъ отпускъ и выѣхалъ въ Севастополь, чтобы повидать своихъ друзей и знакомыхъ. Я чувствовалъ себя радостно, и такъ легко было у меня на душѣ. Я вспомнилъ тотъ вечеръ, когда я блуждалъ по бульвару, обдумывая своё рѣшеніе идти добровольцемъ.

Я нарочно пошѣлъ къ воинскому начальнику и постоялъ около его крыльца, оживляя въ своей памяти воспоминанія и тѣ чувства, которыя привели меня къ тому же крыльцу семь мѣсяцевъ тому назадъ. Сколько воды утекло съ тѣхъ поръ и какъ многое измѣнилось во мнѣ самомъ! Мнѣ было стыдно сознаться, но прежняго порыва, прежнихъ чувствъ во мнѣ уже не было. Я понималъ, что сдѣлалъ большую ошибку, допустивъ моё производство въ офицеры.

Я чувствовалъ, что солдатомъ я былъ бы готовъ идти на фронтъ хоть сейчасъ, а офицеромъ я просто боялся... не за себя, нѣтъ, но боялся той отвѣтственности, которую я долженъ былъ взять на себя за другихъ. Я понималъ, что во мнѣ не было главнаго, что нужно было для команднаго состава: я могъ повиноваться, но не приказывать другимъ. Я чувствовалъ себя „штатскимъ“ болѣе, чѣмъ когда-нибудь.

Въ Севастополѣ я попалъ въ общество, въ которомъ уже давно не былъ. Это былъ тылъ со всѣми специфическими свойствами. Никто не понималъ моего былого увлеченія идти на фронтъ, когда я, какъ юристъ, могъ быть болѣе полезнымъ въ тылу. Конечно, общія разсужденія меня врядъ ли бы могли убѣдить, но я получилъ предложеніе, которое меня весьма заинтересовало. Мнѣ предложили занять должность помощника начальника контрразвѣдывательнаго отдѣленія штаба командующаго Черноморскимъ флотомъ. Дѣятельность для меня совершенно новая, но настолько интересная, что я не могъ не согласиться.

Вернувшись въ полкъ, я узналъ отъ полкового адъютанта, что я былъ помѣщенъ въ списокъ отправляемыхъ на фронтъ, но что командиръ полка вычеркнулъ меня, сказавъ, что такой офицеръ больше принесётъ пользы, оставаясь въ полку. Это незначительное обстоятельство утвердило меня въ мысли, что я дѣйствительно негодный офицеръ и что я хорошо сдѣлалъ, согласившись принять сдѣланное мнѣ предложеніе. По ходатайству командующаго Черноморскимъ флотомъ я былъ прикомандированъ къ его штабу въ качествѣ офицера для порученій. Моя новая должность была такова, что оглашенія ея въ приказѣ не полагалось, и я вступилъ въ свою должность подъ покровомъ государственной тайны.

ГЛАВА II

По агентурнымъ свѣдѣніямъ, незадолго до войны прибыла въ Одессу изъ Константинополя греческо-подданная красавица Элеонора. Ея мать содержала въ Константинополѣ аристократическій домъ свиданій. Прежде всего, Элеонора поразила одеситовъ своей чрезвычайной красотой, а затѣмъ своимъ открытымъ образомъ жизни. Она блистала на всѣхъ вечерахъ, балахъ, маскарадахъ, гдѣ пользовалась большимъ успѣхомъ; имѣла свой чудный салонъ, гдѣ собиралось веселое общество и вино лилось рѣкой; имѣла чудный свой выѣздъ и богатыхъ поклонниковъ; очень любила собирать вокругъ себя золотую молодежь, но наиболѣе ея расположеніемъ пользовались штабные офицеры. Установленное за ней наблюденіе выяснило въ то же время ея странную связь съ нѣкоторыми греками, совершенно не подходящими къ ея аристократическому обществу, и свиданія съ которыми, обставленныя иногда съ нѣкоторою таинственностью, вызывали основательныя подозрѣнія.

Иногда Элеонора на нѣсколько дней выѣзжала якобы для свиданія со своими родными въ Кишинёвъ, причѣмъ эти отсутствія ея были болѣе или менѣе продолжительны. По донесенію пограничныхъ жандармскихъ пунктовъ Рени и Унгени было установлено, что Элеонора трижды ѣздила въ Румынію, каждый разъ проѣзжая черезъ одинъ пунктъ и возвращаясь черезъ другой. Агентура выслѣдила её до Бухареста и вела за ней постоянное наблюденіе. По этому дѣлу мнѣ предстояла довольно трудная задача. Зная по агентурнымъ свѣдѣніямъ очень многое о ея образѣ жизни и подозрительныхъ ея знакомствахъ, я долженъ

былъ познакомиться съ ней, въ наиболѣе удобный моментъ ошеломить её и, дѣйствуя страхомъ, уговорить её раскрыть всѣ тайны. Мнѣ пришлось принять всѣ мѣры предосторожности, чтобы самому не попасть подъ наблюденіе шпионовъ и не быть открытымъ. Я пріѣхалъ въ штатскомъ и остановился у одного нашего сотрудника въ наиболѣе многолюдномъ, но отдалѣнномъ кварталѣ. Свиданія съ агентами я имѣлъ на разныхъ конспиративныхъ квартирахъ всегда поздно вечеромъ, причѣмъ на всякій случай приходилось дѣлать петли и производить такіе манёвры, что если бы случайно я и попалъ подъ наблюденіе, то своевременно его замѣтилъ бы и скрылся. Иногда я бралъ фаэтонъ и, пользуясь темнотой, соскакивалъ гдѣ-либо въ переулкѣ и обходилъ кругомъ. Входилъ въ ресторанъ и немедленно же выходилъ другимъ ходомъ. Садился въ трамвай и быстро пересаживался на остановкахъ въ встрѣчный и ѣхалъ обратно. Затѣмъ я зналъ спеціальныя пріемы, какъ выяснить, есть ли за мной наблюденіе или, по крайней мѣрѣ, проверить себя, если у меня возникало сомнѣніе. Словомъ, приходилось фокусничать, такъ какъ открыть конспиративную квартиру значило бы провалить себя и всю агентуру. Когда, работая при такихъ условіяхъ, я повидаль всю нашу секретную агентуру и собралъ всѣ необходимыя свѣдѣнія, я уже въ военной формѣ перебрался въ наилучшую гостиницу и ждалъ случая познакомиться съ Элеонорой. Скоро такой случай представился. Въ большомъ театрѣ устраивался благотворительный русскій концертъ. Въ концертъ участвовали лучшія артистическія силы. Программа состояла преимущественно изъ произведеній русскихъ композиторовъ и писателей. На концертъ собралось лучшее общество Бухареста. Агентура своевременно сообщила мнѣ, что Элеонора будетъ въ театрѣ. Я отправился на концертъ и занялъ мѣсто въ партерѣ. Мнѣ указали её. Она сидѣла въ ложѣ, въ обществѣ двухъ дамъ, въ костюмѣ сестры милосердія.

Въ Румыніи можно легко познакомиться съ женщиной. Это дѣлается очень просто. Пишется письмо, и камердинеръ относитъ его по назначенію. Но я сдѣлалъ это иначе. Я долго переглядывался съ ней, улыбался, въ антрактѣ нѣсколько разъ прошёлъ мимо ея ложи, почти въ упоръ смотря на неё,

затѣмъ, набравшись храбрости, выходя въ фойе, я уловилъ ея взглядъ и глазами показалъ, чтобы она вышла изъ ложи. Дѣйствіе имѣло успѣхъ. Мы встрѣтились въ фойе и познакомились. Но познакомились какъ? Она меня видѣла въ первый разъ и повѣрила, что я только что пріѣхалъ съ румынскаго фронта, чтобы немного отдохнуть и развлечься послѣ ужасныхъ боёвъ. Я былъ въ формѣ и съ эксельбантами, а потому, узнавъ, что я состою адъютантомъ въ штабѣ И., замѣтно стала со мной любезнѣе. Я же узналъ отъ нея, что она румынка, сестра милосердія въ военномъ лазаретѣ, никогда не была въ Россіи и не понимаетъ по-русски, но прекрасно владѣетъ французскимъ языкомъ, на которомъ мы съ ней и объяснялись. Я, не скрывая своего восхищенія ея красотой, сталъ сразу же ухаживать за ней и просить, чтобы она не лишала меня своего общества, которое мнѣ тѣмъ пріятнѣе, что я здѣсь совершенно одинъ и не имѣю знакомыхъ, съ которыми я могъ бы повеселиться или хотя немного развѣяться послѣ тяжёлой жизни на фронтѣ. Разыгрывать такую роль мнѣ было не трудно, такъ какъ Элеонора была дѣйствительно очаровательной женщиной, но тѣмъ опаснѣе она была какъ врагъ. Между нами началась опасная игра. Мы ловили другъ друга. Наши желанія сходились, а потому она сравнительно скоро согласилась провести со мной вечеръ послѣ театра гдѣ-нибудь въ ресторанѣ. „Бабочка летитъ на огонь“, — думалъ я. „На ловца и звѣрь бѣжитъ“, — вѣроятно, думала она. Я ждалъ её съ автомобилемъ. Она вышла, какъ было условлено, изъ бокового выхода, и мы поѣхали сначала къ ней, такъ какъ она не могла въ костюмѣ сестры милосердія ѣхать въ кабаре. Я зналъ, гдѣ она живётъ, и очень удивился, когда она указала совершенно другой адресъ, и насторожился, чтобы не попасть въ засаду.

„Я не могу васъ пригласить къ себѣ, такъ какъ сейчасъ живу у родственниковъ“, — извинилась она, подѣвзая къ шикарному дому съ зеркальными окнами. — „Обождите меня въ автомобиль“. Я ждалъ её довольно долго, и уже меня снова взяло сомнѣніе, когда она вышла ко мнѣ въ роскошномъ туалетѣ, вся укутанная дорогими мѣхами. Я понялъ, что она не могла скорѣе такъ преобразиться изъ скромной сестры милосердія въ роскошную куртизанку.

При видѣ ея я не скрылъ своего восхищенія. Ей нравилось это, хотя, навѣрное, ею восхищались всѣ, кто имѣлъ счастье или несчастье быть съ нею. Женщина всегда остаётся женщиной.

„Куда же мы поѣдемъ?“ — спросилъ я. — „Я совершенно не знаю Бухареста. Будьте моимъ менторомъ и покажите мнѣ, гдѣ у васъ веселятся. Я съ наслажденіемъ отдаю въ ваше распоряженіе... я счастливъ уже тѣмъ, что съ вами“.

Она улыбнулась. Въ ея улыбкѣ не было ничего, кромѣ очарованія, и такъ не хотѣлось вѣрить, что съ тобой не чудная женщина, которая довѣряетъ тебѣ и ѣдетъ въ ресторанъ кутить со всѣми возможностями, а коварная шпіонка, которая продаётъ Россію и пользуется своей красотой, чтобы губить тѣхъ, кто довѣрчиво сближается съ ней и находитъ измѣну, гдѣ думалъ найти любовь. И какъ хотѣлось бы забыть, что на фронтѣ гремятъ пушки, льются рѣки человѣческой крови, что люди стали врагами и губятъ другъ друга, забыть, что я контрразвѣдчикъ и таю коварные замыслы противъ женщины, которая такъ очаровательна и такъ много счастья могла бы дать... Гадко, подло чувствовалъ я себя, несмотря на полное сознаніе, что я исполняю свой долгъ, что мнѣ довѣрены государственныя тайны, что въ моихъ рукахъ, быть можетъ, тысячи человѣческихъ жизней и что самъ я могу быть схваченъ ея агентами и брошенъ гдѣ-нибудь на окраинѣ въ ровъ, а подлая шпіонка будетъ продолжать свою преступную работу.

„Нѣтъ, не Богъ далъ тебѣ эту красоту, которая можетъ вскружить голову, а дьяволъ, чтобы обильно сѣять зло и преступленія! И ты должна дать намъ отвѣтъ за нихъ!“

Мы пріѣхали въ одинъ изъ лучшихъ ресторановъ-кабаре. Я заказалъ ужинъ съ шампанскимъ и поднёсъ ей массу цвѣтвъ, умышленно демонстрируя ту свободу, съ которой я готовъ тратить на неё деньги. Она была очень весёлая и умная женщина, съ которой легко было поддерживать оживлённый и остроумный разговоръ. Она пила шампанское, видимо хорошо привыкнувъ къ нему. Я пилъ съ осторожностью, но всё же значительно оживился, что, однако, не помѣшало мнѣ играть свою роль. Я охотно отвѣчалъ на всѣ ея вопросы, кѣмъ я былъ до войны, весело ли жить въ Петербургѣ, люблю ли я театры и пр. На всё это я могъ отвѣчать правду, которая могла только усыпить ея

осторожность. Я ожидал, что она начнёт спрашивать меня о войнѣ, о фронтѣ, но она, вѣроятно умышленно, совершенно не касалась этого вопроса, что дало мнѣ надежду на слѣдующее свиданіе. Для перваго свиданія мы рѣшили забыть о дѣлѣ и очень мило провели время среди общаго веселья, пѣнія и музыки, казалось, не думая ни о чёмъ, кромѣ удовольствія. Странно было мнѣ это веселье, кутѣжь въ ресторанѣ, который входилъ въ мои служебныя обязанности. Я чувствовалъ во всей окружающей меня обстановкѣ какую-то фальшь и склоненъ былъ думать, что весь кафешантанъ съ музыкой и шансонетками есть не что иное, какъ мистификація съ тайными пружинами, и что гдѣ-то въ глубинѣ дѣйствуютъ таинственныя силы. Я чувствовалъ себя героемъ кинодрамы, окружённымъ тайными агентами Фантомаса, Чёрной руки или Маски, которая смѣется.

И думалъ ли я, когда былъ нотаріусомъ и иногда весело и беззаботно кутилъ въ ресторанахъ, что мнѣ придётся въ Бухарестѣ разыгрывать роль Шерлока Холмса*, ужинать съ женщиной, опутывая её сѣтью лжи и коварства, строить планы, какъ въ торжественный моментъ я вдругъ граціозно сниму маску и, любезно улыбаясь, проговорю: „Имѣю честь представиться... я начальникъ контрразвѣдки, а вы — германская шпіонка Элеонора. Вы арестованы“.

Я ухаживалъ за ней около недѣли, посѣщая съ ней театры, ужиная въ ресторанахъ и катаясь на автомобилѣ, какъ будто вся моя жизнь была только въ ней... Она не только позволяла мнѣ ухаживать за ней, но и даже старалась очень опытнымъ кокетствомъ увлечь меня дальше въ сѣти своихъ чаръ... и чѣмъ болѣе я видимо увлекался ею, тѣмъ больше она стала интересоваться тѣмъ, что входило въ ея обязанности шпіонки. Надо отдать справедливость, что дѣлала она это очень искусно, послѣ ужина съ шампанскимъ, съ нѣжностью и милымъ пустымъ любопытствомъ, подходя, иногда, очень издали и какъ бы случайно, но для меня-то это было слишкомъ ясно. Она заманивала меня, и я шёлъ на ея удочку... но тѣмъ не менѣе она долго не соглашалась поѣхать со мной въ отдѣльный кабинетъ загороднаго ресторана, гдѣ я рассчитывалъ разыграть финалъ нашей комедіи.

* У автора — Хольмса. — *Прим. ред.*

Я понималъ ея осторожность. На третій день своего знакомства съ ней я замѣтилъ, что за мной установлено наблюдение. Около моей гостиницы появился какой-то сумрачный типъ, котораго я дважды встрѣтилъ у подъезда, внимательно разсматривающаго витрину парфюмернаго магазина, а затѣмъ по какой-то случайности имѣлъ удовольствіе увидѣть его же въ углу кафе, читающимъ газету однимъ глазомъ, тогда какъ другой очень внимательно слѣдилъ за мной. Я видѣлъ, наконецъ, какъ, гуляя по улицѣ, этотъ же типъ глазами передалъ меня другому, который очень любезно проводилъ меня до гостиницы. Я не буду перечислять массу тѣхъ признаковъ, по которымъ я установилъ, что за мной ведётся наблюдение. Это цѣлая наука — наука, какъ вести наблюдение и какъ спастись отъ него самому. По этому вопросу у насъ была обширная литература, весьма интересная сама по себѣ, но крайне непріятная при примѣненіи ея на практикѣ. Скажу только, что требуется большое искусство, чтобы не провалиться какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ.

Но, конечно, я не далъ понять, что я замѣтилъ наблюдение. Мнѣ было нечего бояться. Я не имѣлъ сношеній съ агентурой, а потому не имѣлъ ничего противъ, что Элеонора знаетъ, гдѣ я утромъ пью кофе, какую читаю газету, гдѣ покупаю себѣ папиросы и какъ я убиваю день, чтобы скорѣе увидѣться съ ней вечеромъ. Но что мнѣ очень понравилось, такъ это то, что моя агентура, очевидно въ цѣляхъ моей охраны, тоже вела за мной наблюдение и иногда, ужиная съ Элеонорой въ ресторанѣ, я замѣчалъ вдали за столикомъ двухъ, трёхъ агентовъ, мирно сидящихъ за бутылкой вина. Между прочимъ, мои агенты также замѣтили установленное за мной наблюдение и, въ свою очередь, прослѣдили и установили связь этого наблюдения съ Элеонорой. Веселенькая жизнь!

Наконецъ, приблизился день развязки. Не скрою, что за недѣлю я такъ привыкъ къ веселому и пріятному обществу очаровательной Элеоноры, такъ хорошо было мнѣ, забывая весь ужасъ содержанія нашихъ отношеній, отдаваться обману этой женщины, даже зная, что всё ея отношеніе ко мнѣ есть только одинъ коварный обманъ преступной женщины, — что я утромъ ещё не зналъ, какъ я рѣшусь сорвать съ нея эту

очаровательную маску. Я думал даже, нельзя ли узнать от нея всё необходимая свѣдѣнія, выпитая от нея полное признаніе и путѣмъ ея предательства всѣхъ сообщниковъ — спасти её. Я думалъ также, нельзя ли это сдѣлать, заставивъ её продолжать ея сношенія со шпионами, но съ тѣмъ, чтобы она, продолжая фиктивно быть германской шпионкой, продавала намъ планы нашихъ враговъ. Но я не надѣялся на свои силы и боялся провалиться. Я не спалъ отъ волненія всю ночь. Иногда на меня находилъ даже страхъ, что вся моя игра уже открыта, что я дѣйствовалъ неумѣло и самъ попаду въ засаду, которую думаю устроить Элеонорѣ. Кромѣ того, мнѣ предстояла ещё самая трудная задача: повидать главнаго нашего сотрудника, чтобы получить отъ румынскихъ властей ордеръ на арестъ Элеоноры и предупредить агентуру. Здѣсь я легко могъ провалиться, и тогда Элеонора исчезла бы, а потому въ этомъ отношеніи мною приняты были всѣ мѣры предосторожности.

Ещё не свѣтало, когда я вышелъ изъ гостиницы въ штатскомъ платьѣ съ нахлобученной на глаза мѣховой шапкой и высоко поднятымъ воротникомъ. Очень зорко оглядѣвшись прежде, чѣмъ выйти изъ подъѣзда, и не замѣтивъ никого, я быстро завернулъ въ первый же переулокъ. Погода мнѣ благопріятствовала, такъ какъ моросилъ мелкій, холодный дождь, и я весь сгорбился и спрятался въ шубу. Затѣмъ я сдѣлалъ нѣсколько петель, прошёлъ два проходныхъ двора, долго сидѣлъ въ какомъ-то кафе, проѣхалъ туда и обратно въ трамваѣ и только послѣ самыхъ вѣрныхъ испытаній, убѣдившись, что наблюденія нѣтъ, рѣшился проникнуть въ квартиру сотрудника. Здѣсь я отдалъ всѣ распоряженія и обо всёмъ условился. Я указалъ ресторанъ, гдѣ четыре агента должны были временно занять отдѣльный кабинетъ и ужинать въ ожиданіи моего пріѣзда съ Элеонорой. Затѣмъ, въ точно условленное время мы должны были встрѣтиться въ уборной для передачи мнѣ ордера на арестъ Элеоноры. Этотъ ордеръ долженъ былъ получить у шефа полиціи мой главный сотрудникъ. Отъ него же я получилъ дополнительныя свѣдѣнія о дѣятельности Элеоноры за эти дни. Я узналъ, что Элеонора проживала въ квартирѣ румынскаго доктора, но имѣла также пристанище у бывшей любовницы австрійскаго консула въ Бухарестѣ,

проживающей въ томъ домѣ, куда впервые заѣзжала со мной Элеонора. Были выяснены также другія ея связи, дальнѣйшей разработкой которыхъ должна была заняться агентура.

Я вернулся въ гостиницу съ тѣми же предосторожностями и, измученный физически и нравственно, попробовалъ уснуть, чтобы успокоиться и собраться съ силами къ рѣшительному шагу, но сонъ бѣжалъ моихъ глазъ. Я боялся, что у меня не долго хватить силъ. Странно, но несмотря на то, что чувства мои были возбуждены такъ же, какъ передъ дуэлью, мнѣ приснился сонъ, совершенно выходившій изъ времени и событій моей настоящей жизни. Я былъ студентомъ и собиралъ цвѣты въ полѣ съ какой-то дѣвушкой, а затѣмъ, лёжа на берегу рѣки, читалъ ей стихи Лермонтова. И такъ тихо и покойно было на душѣ. Я проснулся ещё съ восторженной улыбкой, какъ вдругъ сознаніе, какъ электрической ударъ, заставило меня съ ужасомъ соскочить съ кровати. Было уже темно, но времени оставалось много. Я освѣжилъ голову холодной водой и не торопясь началъ приготавливаться. Я потребовалъ обѣдъ къ себѣ въ номеръ и выпилъ коньяку. Нервы мои успокоились. Я чувствовалъ въ себѣ отвагу и рѣшимость, какъ боецъ, уже вступившій въ полосу огня. Я осмотрѣлъ свой револьверъ и на всякій случай безъ кобура положилъ себѣ въ карманъ.

Въ назначенный часъ я съ автомобилемъ ждалъ Элеонору въ условленномъ мѣстѣ. Она, какъ нарочно, опоздала, и я уже приходилъ въ отчаяніе, когда, наконецъ, увидѣлъ её. Я бросился къ ней навстрѣчу съ восторгомъ влюблённаго.

— Милая, — прошепталъ я, — какъ я измучился, васъ ожидая!

— Мой другъ, — съ любовной улыбкой отвѣчала она, — я не могла; если бы знали вы, какъ трудно было мнѣ уйти... зато теперь я совсѣмъ свободна!

— О, какъ я счастливъ!..

Боже мой, какъ всё это походило на любовное свиданіе и какъ мало было счастья!

Мы пріѣхали въ гостиницу-ресторанъ и по ея желанію прошли въ неё черезъ тѣмный садъ. Роскошный номеръ съ коврами, зеркалами и портьерой, скрывающей широкую кровать. Мы заказали ужинъ, но въ ожиданіи спросили шампанскаго и пили его, грѣясь у горячаго камина. Мы долго мило болтали, держа

другъ друга за руки. Я жаловался ей, какъ грустно мнѣ будетъ оставлять Бухарестъ и ѣхать снова на фронтъ. Какъ мнѣ хотѣлось бы забыть всё и жить только тѣмъ, чѣмъ я жилъ эту недѣлю!

Она низко наклонилась ко мнѣ и, съ любовью смотря мнѣ въ глаза, обжигая меня своимъ горячимъ дыханіемъ, со страстью опытной куртизанки, тихо прошептала:

— И ты уѣдешь, если даже я буду твоей?!

Я вырвалъ у нея свою руку и, закрывъ лицо, быстро отошѣлъ къ столу и, чтобы скрыть своё волненіе, выпилъ бокаль шампанскаго. Моментъ, и я бы повѣрилъ ей, бросилъ всё, открылъ бы ей всю тайну и только за одну ночь любви заплатилъ бы своей жизнью. Но я случайно, стоя къ ней спиной, взглянулъ въ висѣвшее надъ столомъ зеркало и увидѣлъ её гордо стоящей у камина съ закинутой головой, и въ ея улыбкѣ, едва уловимой, я вдругъ замѣтилъ что-то змѣиное... И это сразу меня отрезвило.

„Rira bien, qui rira le dernier!“ — подумалъ я.

Вошѣлъ официантъ и подаль ужинъ. Я извинился и на минуту вышелъ. Я получилъ отъ сотрудника ордеръ и успокоенный вернулся въ кабинетъ. Начавъ какой-то пустой разговоръ, мы продолжали бесѣдовать въ томъ же духѣ во всё время ужина. Я усердно подливалъ ей шампанское, но самъ пилъ менѣе обыкновеннаго.

— Я не могу больше, — сказала она, отодвигая бокаль, — я буду совсѣмъ пьяна.

— Я такъ хочу! — убѣждалъ я её.

— Если „ты“ такъ хочешь, я пью! — отвѣчала она и залпомъ выпила бокаль.

Шампанское дѣйствовало. Мы отодвинули столъ и сѣли вмѣстѣ на низкую кушетку. Она почти лежала, облокотившись на мягкую ковровую подушку. Я обнялъ её и тихо сталъ наклоняться, какъ бы спрашивая позволенія на поцѣлуй! Она поняла меня и ждала... Я сильнѣе обнялъ её и, смѣло смотря ей въ глаза, вдругъ сказалъ ей на русскомъ языкѣ:

— Наконецъ-то, ты попалась, красавица Элеонора! Ты не уйдешь отъ моей власти и правосудіе воздастъ тебѣ по заслугамъ за твоё предательство!

* Хорошо смѣется тотъ, кто смѣется послѣднимъ (*фр.*).

Эффектъ былъ такой, что, даже подготовившись къ нему, я былъ пораженъ.

Элеонора вскочила, какъ ужаленная змѣей. Она вскрикнула, но этимъ уже было всё сказано, и она поняла, что выдала себя. Я схватилъ её за руки и силой посадилъ вновь на кушетку.

— Сидите! — сказалъ я грозно, — иначе вамъ же будетъ хуже! Слушайте меня!

Она сидѣла съ застывшимъ ужасомъ на лицѣ. Губы ея тряслись такъ же, какъ и руки.

— Я очень радъ, — сказалъ я, — что вы понимаете по-русски. Въ Одессѣ вы знали его въ совершенствѣ и напрасно забыли его здѣсь. Я — начальникъ контрразвѣдки — и вотъ ордеръ на вашъ арестъ. Въ сосѣднемъ кабинетѣ мои агенты, они отправятъ васъ въ тюрьму, и васъ будутъ судить въ Россіи. Но я могу ещё васъ спасти!

Она посмотрѣла на меня, и въ глазахъ ея мелькнула надежда.

— О, нѣтъ! — сказалъ я, понимая её, — не то, что вы думаете. Вашей любви мнѣ не надо. Но вы должны намъ открыть всё ваши тайны, всё ваши связи... вы должны покаяться во всѣмъ, какъ на исповѣди, и только этимъ вы можете заслужить себѣ помилованье.

— О, пощадите меня! Я такъ хочу жить, — плакала она. — Спасите меня!

Она упала на колѣни, простирая ко мнѣ руки.

— Это зависитъ только отъ васъ! — отвѣчалъ я.

— Научите, что же мнѣ дѣлать! — ломая руки, всё ещё стоя на колѣняхъ, въ слезахъ повторяла она.

— Я уже вамъ сказалъ, — скажите всю правду. Я не жандармъ, я офицеръ, и не буду пытаться васъ допросомъ, стараясь васъ сбить или поймать. Я буду откровененъ: мы знаемъ о вашей дѣятельности очень много, но ещё больше вы должны намъ сказать сами. Мы знаемъ васъ давно. Знаемъ съ того времени, какъ, оставивъ свою мать въ Константинополь торговать женщинами, вы подъ именемъ Элеоноры пріѣхали въ Одессу. Съ тѣхъ поръ вся ваша жизнь по сіе время прошла подъ нашимъ наблюдениемъ. Мы были у васъ въ салонѣ на Гаванной улицѣ. Мы ѣздили съ вами въ Кишинёвъ. Мы знаемъ, по какимъ паспортамъ вы проѣзжали пограничные пункты и какъ инымъ путёмъ возвращались

обратно. Мы слѣдовали за вами по пятамъ, мы знаемъ, съ кѣмъ вы встрѣчались, кому передавали свѣдѣнія, зачѣмъ ѣздили въ Галаць, почему находите здѣсь гостепріимство у любовницы бывшего австрійскаго консула. Мы знаемъ всю вашу жизнь, но мы должны отъ васъ получить всѣ нити вашей шпіонской организаціи, мы должны въ корнѣ пресѣчь всё то зло, которое вы сдѣлали, и помните, только полная правда можетъ спасти васъ. Если вы утаите что-нибудь намъ извѣстное, если вы что-нибудь солжете, что не оправдается нашимъ разслѣдованіемъ, если вы пощадите хотя одного вашего сообщника, вы будете повѣшены безъ сожалѣнія.

Мнѣ кажется, что я былъ довольно убѣдительнъ, или просто она сама сразу рѣшила сдать всѣ позиціи, но только она скоро успокоилась и стала давать мнѣ откровенное показаніе.

Свѣдѣнія, полученные отъ нея, не дали намъ въ общемъ того, что мы ожидали. Мы опоздали!

Многое стало прошлымъ, потеряло своё значеніе и имѣло только историческій интересъ.

Судьба Румыніи была уже рѣшена. Макензенъ подходилъ къ Бухаресту, и наша агентура уже не имѣла времени заняться дальнѣйшей разработкой свѣдѣній, данныхъ намъ Элеонорой. Многое изъ ея показаній мы уже знали сами. Многое, что главнымъ образомъ интересовало насъ, она не знала сама и могла дать только очень общія показанія. Изъ многихъ указанныхъ ею лицъ мы арестовали пять или шесть, и то мелкихъ шпіоновъ. Даже главная ея сообщница, любовница австрійскаго консула, скрылась прежде, чѣмъ намъ удалось её арестовать, а обыскъ ея квартиры не далъ никакихъ результатовъ. Очевидно, арестъ Элеоноры сталъ ей извѣстенъ раньше, чѣмъ мы могли этого ожидать. Всѣ, что было цѣннаго въ ея показаніяхъ, было потомъ, конечно, использовано. Её довольно долго мучили допросами въ Одессѣ и въ Севастополѣ и, конечно, получили отъ нея всё, что было возможно. Но къ этому мы ещё вернёмся.

Мы страшно измучились оба, и я, закончивъ офиціальныи допросъ, предложилъ ей вновь закусить оставшимся ужиномъ. Намъ обоимъ стало легче на душѣ, когда мы опять, какъ будто ничего не было ужаснаго, сѣли за столъ и стали мирно бесѣдовать. Не знаю, конечно она была ужасная преступница, но мнѣ всё-таки было ея жаль. Она оставалась очаровательной

женщиной, какъ будто милой, простой, умѣющей любить и желающей только, чтобы любили её. Какъ будто зло случайно коснулось ея. Быть можетъ, это потому, что въ каждомъ преступникѣ всегда остаётся много другихъ чувствъ, что преступность захватываетъ только часть души человѣка, не поглощая всѣхъ остальныхъ свойствъ души его, а у женщины въ особенности. Въ самомъ страшномъ горѣ человѣкъ не лишается способности временно забывать его и даже смѣяться. Такъ иногда въ домѣ покойника очень близкіе къ нему люди, послѣ отчаянія и слёзъ, садятся за обѣденный столъ, говорятъ о самыхъ обыденныхъ вещахъ, иногда шутятъ и невольно улыбаются сквозь слёзы, какъ будто покойникъ только на время ушёлъ въ сосѣдную комнату. Такъ и мы съ Элеонорой, покончивъ ужасное дѣло, по-видимому, очень пріятно ужинали съ бокалами въ рукахъ, съ улыбкой вспоминая нашу встрѣчу, взаимную игру, разныя хитрости и весёлые ужины въ кабаре.

— А правда, какъ пріятно иногда поговорить по-русски? — шутилъ я.

— Противный! Не смѣйтесь... — уже весело отвѣчала она. — А всё-таки вы очень славный... мнѣ очень жаль, что вы контрразвѣдчикъ!

— А вы — очаровательная женщина, и мнѣ тоже очень жаль, что вы шпіонка!

Такъ обмѣнялись мы любезностями, на этотъ разъ совершенно искренними.

Только въ три часа ночи, когда мы выпили всё вино и она поняла, что всё кончено, она опять пришла въ отчаянье, какъ будто сознавая весь ужасъ своего положенія.

— Вы меня арестуете? — жалобно проговорила она, подымая на меня умоляющіе глаза.

— Къ сожалѣнію, да, — отвѣчалъ я, стараясь быть мягче. — Но я сдѣлаю всё, чтобы вы избѣжали тягостнаго сидѣнія въ тюрьмѣ. Если вы общаете мнѣ не дѣлать никакихъ попытокъ къ бѣгству, то вы поѣдете вмѣстѣ съ моими агентами, какъ свободная пассажирка, въ Одессу. Не оказывайте только никакого сопротивленія, иначе, конечно, придётся васъ взять подъ стражу и отправить уже, какъ арестантку, подъ охраной жандармовъ.

Я посадилъ её въ автомобиль вмѣстѣ съ двумя агентами, которые её и доставили благополучно въ Одессу. Судьба Элеоноры продолжала интересовать меня, и я былъ радъ за неё, когда узналъ, что штабъ командующаго Черноморскимъ флотомъ, когда Элеонора была окончательно использована, отправилъ её въ ту же Румынію, обѣщая ей большое вознагражденіе при ея возвращеніи съ новыми цѣнными свѣдѣніями по развѣдкѣ. Но Элеонора не возвратилась. Причины, очевидно, общія въ такой практикѣ: или она, какъ арестованная русской контрразвѣдкой, не могла уже играть прежней роли, или она боялась Россіи, не очень вѣря въ вознагражденіе за новое предательство уже прежнихъ друзей своихъ, или ей въ Германіи заплатили больше, чѣмъ обѣщала Россія.

Вы прочитали фрагментъ книги Сергѣя Михайловича Устинова «Записки начальника контрразвѣдки».

Въ полной версіи книги на 120 страницахъ описывается періодъ съ 1915 до 1920 года, начиная съ Первой міровой и заканчивая закулисемъ политической и военной борьбы на югѣ Россіи. Въ 12 главахъ вы найдете и подробности борьбы съ нѣмецкимъ шпіонажемъ, любопытныя описанія слѣдствій, о разслѣдованіи трагическаго взрыва броненосца «Марія» въ Севастополь, совмѣстной работѣ контрразвѣдки и совѣта рабочихъ депутатовъ, о столкновеніяхъ большевиковъ и украинскихъ націоналистовъ, побѣдахъ Добровольческой арміи въ Одессѣ и многомъ-многомъ другомъ

Приобрѣсти книгу можно на сайтѣ издательства:

www.chernaya100.com

Сергѣй Михайловичъ Устиновъ
Записки начальника контрразвѣдки

Оформленіе переплѣта Сакина Зейналова
Наборъ Ася Сопоть
Корректурa Михаилъ Тейкинъ
Дарья Пинигина
Технической редакторъ Тимуръ Вѣнковъ
Вѣрстка Ѳѣдоръ Мишутинъ
Главный редакторъ Дмитрій Бастраковъ

Выпускъ подготовленъ командой
интерактивного издательства „Чѣрная Сотня“.

„Чѣрная Сотня“ — книжное издательство, основанное двумя студентами въ 2013 году. Наша Миссія — восстановление и возвращеніе въ Россію литературнаго, культурнаго и научнаго наслѣдія русскаго зарубежья, а также трудовъ, которые по тѣмъ или инымъ причинамъ не переиздавались въ совѣтское время.

Официальное сообщество ВъВконтактѣ:
vk.com/chernaya100

Интернетъ-магазинъ издательства
www.chernaya100.com